

1941-1945

Помним, гордимся!

Они защищали Родину!

(к 80-летию победы):
обзор по страницам областной газеты
«Медик»

№6

1941-1945

Помним, гордимся!

Дорогие ветераны Великой Отечественной войны и труженики тыла!

Дорогие дети, внуки и правнуки тех, кто не щадя самой жизни, с оружием в руках боролся с фашистами на фронтах, тех, кто выносил раненых с поля боя или выхаживал их в прифронтовых и тыловых госпиталях, тех, кто ковал Победу в тылу, сутками стоял у станка или трудился в поле.

Примите сердечные поздравления с 80-летием Победы в Великой Отечественной войне!

Фронтовые товарищи: М.Н. Нагибин (слева)
и Н.Л. Симбирцев

Поступь ветеранов

Чеканя шаг, идут года за годом —
Как те полки, что шли в смертельный бой.
Мы — ветераны своего народа,
Свято храним наш опыт боевой.
Как вешний цвет приходит День Победы,
Как символ славы боевой,
В ее строю стоят отцы и деды,
Ее питомцы с сединой.
Мы все стоим в строю едином,
На склоне наших мудрых лет,
Своею дружбой побратимы,
Встречаем ежегодно дни Побед.
А тем, кто пал в боях героем,
Фронтовики наденут ордена,
У Вечного огня пройдут все строем,
И воскресят в своих сердцах их имена.

Ветеран 4-го гвардейского Сталинградского Трижды
орденоносного мехкорпуса Н.Л. Симбирцев

Медик. – 2001. - №5 (май).

1941-1945

Помним, гордимся!

Для 20-летней **МАШИ ДЫГАЙ** фронтовая биография началась с Северо-Западного фронта. Сюда она получила назначение после окончания училища связи в 1942 г. Здесь она воевала сначала в составе полка связи, потом — тяжелого танкового полка прорыва. Закачивала войну на II Украинском фронте, в 110 стрелковой дивизии. Участвовала в освобождении гг. Дно, Ржева, Старой Руссы, а также Румынии, Венгрии, Чехословакии. Много пережито за эти 4 военных года, много видано горя, которое принес на нашу землю и на землю других народов фашизм. Деревни, дотла сожженные старики и дети, последние воинские почести над могилой боевого друга — жестокие, суровые будни войны.

Стиснув зубы и сжав кулаки, стояла Маша в только что освобожденной их полком тюрьме в Ржеве, где томились наши люди. Кровью на ее стенах были написаны предсмертные слова узников: «Прощайте, товарищи», «Мама, я хочу домой»...

Горе и радость на фронте всегда идут рядом. Горе, принесенное фашистами, и ра-

дость освобождения. С каким ликованием встречали их жители наших освобожденных районов и венгры, румыны, чехи. С какой любовью и благодарностью встречали они советских солдат!

Только отгремели победные салюты, и сержант Дыгай поехала на другую войну — с империалистической Японией, а уже оттуда — домой.

И в труде, как в бою, чувство долга, ответственности прежде всего характеризуют Марию Андреевну Дыгай, секретаря вечернего отделения лечебного факультета.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ НАГИБИН

8 мая 2001 года:

Я окончил медицинский университет в июне 41-го. Получил диплом, выпшел в коридор, думаю: дай-ка, посмотрю, что там написано. (Ведь в дипломе должно быть что-то написано, а это мой первый в жизни диплом.) Вдруг выпала какая-то бумажка из него. Я поднял ее, а в ней написано: «Явиться на вокзал для отправки на фронт» и стоит завтрашнее число. Так я на следующий день после получения диплома попал на фронт.

Я, мальчишка, был назначен старшим полковым врачом. В полку было 5 тысяч человек, непосредственно у меня в подчинении было 7 докторов, которые по возрасту годились мне в отцы. Да и по опыту тоже намного превосходили меня. Но приказ есть приказ. Война... Потом наш полк расформировали, и я попал полковым врачом в 166-й Отдельный стрелковый инженерный полк. С ним я прошел от Киева до Берлина. 24 апреля 1945 года мы ворвались в Берлин, неделю шли уличные бои. Город был взят...

Победа! Я, конечно, сразу пытался

Михаил Иванович Нагибин

уехать домой, к родным, но меня оставили на 3 года работать с немцами.

В 48-ом году я вернулся в родной город. Пришел в родной медицинский университет, на кафедру. Работал сначала ассистентом, потом защитил диссертацию. В 84-ом году ушел на пенсию.

В этот день я желаю всем фронтовикам, коллегам-медикам здоровья, бодрости, счастья и встретиться здесь на будущий год!

Война застала **КАТЮ АКСЕНОВУ** на студенческой скамье. Большинство ребят-однокурсников ушли на фронт в первый год войны, а в 1942 году весь 3 курс — и парни, и девушки — встали в ряды защитников.

Е. Аксенова после окончания курсов связистов была направлена в отдельный армейский минометный полк Южного фронта. И в составе этого полка до самой демобилизации в 1944 г. она прошла трудными дорогами войны Ростов, Крым, Каховку, Донбасс, Украину. Особенно трудными эти дороги войны были для женщин, наравне с мужчинами стойко переносившими все трудности солдатской жизни, горечь утраты товарищей, проявившими чудеса храбрости, стойкости, мужества.

Риск для связиста, особенно на передовой, большой. Идет бой. Кончаются боеприпасы, срочно нужна связь с соседним дивизионом, а рация молчит. И приходится под пулями, взрывами, когда кажется, это вся земля содрогается, искать оборванный провод, налаживать связь. Сколько раз после таких тяжелых, изнуря-

тельных боев Катя чудом оставалась в живых, а сколько боевых подруг — девчат-связисток погибло, сколько молодых здоровых жизней унесла эта проклятая война...

Уже более 10 лет работает Екатерина Григорьевна в нашем институте секретарем фармацевтического факультета. Авторитет и уважение среди студентов и сотрудников института завоевала за эти годы своим добросовестным трудом ветеран Великой Отечественной войны, бывший рядовой Великой Армии освободителей.

Медик. — 2001. - №5 (май).

Медик. — 1975. - №8 (3 марта).

1941-1945

Помним, гордимся!

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Накануне Дня Победы в редакции газеты состоялась встреча ветеранов войны. В ней участвовали: доцент кафедры нормальной анатомии, председатель совета ветеранов войны института М. И. Нагибин, ассистент этой же ка-

федры Г. А. Куклин, преподаватель военной кафедры Б. И. Брагинский. Вел встречу начальник военной кафедры, полковник медицинской службы И. Л. Адилханян.

Б. И. Брагинский

Разные пути привели их на фронт. Михаил Иванович Нагибин в конце 1941 г. закончил лечебный факультет Иркутского мединститута и одновременно с дипломом получил повестку из военкомата. У Бориса Иосифовича Брагинского боевой путь тоже начался сразу после окончания вуза — военного факультета 2-го Московского мединститута — но позже, в самом начале 1944 года. Герман Андреевич Куклин начал войну уже настоящим опытным солдатом. Еще во время военных действий на Халхин-Голе со 2 курса, Магнитогорского пединститута он попросился добровольцем на фронт, но принять в них участие не успел. Остался в армии, служил в войсках по укреплению восточных границ.

Пути были разные, но цель одна — принести как можно больше пользы Родине в минуту опасности, защитить ее от врага ценой собственной жизни. И они выполнили свой священный долг — вернулись домой Победителями.

Нелегкими для каждого из них были эти военные годы. Пережили горечь отступлений, гибель товарищей по оружию, радость освобождения оккупированных врагом сел и городов. Были ранены, контужены, но вновь возвращались в строй, прошли и проехали с боями не только по своей родной земле, но и по земле народов Европы, освобождая ее от ненавистного фашизма.

Все дошли до Берлина. Герман Андреевич участвовал во взятии столицы рейха и самый конец войны застал на берегу Эльбы. Михаил Иванович тоже брал Берлин и здесь же узнал о долгожданной Победе. 2 мая в Берлине был и Борис Иосифович. Но потом ему еще довелось участвовать в освобождении Праги, где и встретил День Победы...

Богаты событиями фронтовые биографии ветеранов. Их нельзя разделить на значительные и мелкие, ибо каждое из них составляет незабываемые страницы героической летописи Великой

Отечественной. На просьбу вспомнить самые памятные события дней тех военных лет участники встречи рассказали следующее.

Б. И. БРАГИНСКИЙ:

— Запомнилась эвакуация с Вислинского плацдарма. Перед медицинской службой, была поставлена задача: за ночь переправить раненых на другой берег. Но главной трудностью была не столько сама переправа, сколько перенос раненых к переправе на руках за 1,5—2 км. Раненых было много, река находилась под постоянным обстрелом неприятельской авиации. Врачи,

сестры, санитары работали не покладая рук. И к утру на понтонах, катерах эвакуация была закончена. За успешное проведение этой операции многие были награждены орденами и медалями. Я получил орден Отечественной войны 2-й степени.

М. И. НАГИБИН:

— А у меня остались в памяти завершающие дни войны, они были особенно тяжелыми, потому что фашисты за Берлин стояли насмерть. Наш 166 отдельный инженерный танковый полк участвовал в прорыве обороны на Зееловских высотах, прикрывавших немецкую столицу. Враг очень хорошо укрепился, заминировал поля — подступиться к высотам было трудно.

Нашему полку предстояло разминировать поля и тем самым освободить дорогу для танков, пехоты. Работы для медиков было, конечно, много. Я, например, за один только день вынес с поля боя 17 раненых и был представлен к награждению орденом Красной Звезды.

Г. А. КУКЛИН:

— Во время войны я был начальником радиостанции одного из дивизионов 12 артиллерийской дивизии прорыва резерва главного командования. По долгу службы мне со своими товарищами — радиотелеграфистами приходилось быть постоянно на переднем крае вместе с пехотой. Прошел с боями Украину, Белорус-

сию, Польшу.

Памятными остались на всю жизнь и форсирование Днепра, и освобождение Польши (за участие в ней получил орден Красной Звезды), и взятие Берлина. А разве можно забыть Курско-Орловскую дугу, на одном из участков которой мы обеспечили надежную связь наблюдательных пунктов дивизиона и полка с огневыми позициями, а когда бой начался, наша телефонная связь, упрятанная на глубину 45 см, вылетела наверх через 20—30 минут? И сколько трудов, жертв стоило снова ее наладить...

Г. А. Куклин

1941-1945

Помним, гордимся!

Да, дорогой ценой досталась советскому народу эта Победа. 20 миллионов человеческих жизней унесла война, оставила женщин вдовами, детей — сиротами, лишила матерей сыновей и дочерей. Начальник военной кафедры И. Л. Адилханян рассказал об одной из выпускниц нашего института, оставшейся навсегда молодой для ее друзей по оружию, для родных и в нашей благодарной памяти — Маргарите Трофимовне Андреевой.

И. Л. Адилханян

— В 1940 г. Рита окончила лечебный факультет Иркутского медицинского института, но недолго была занята любимым делом в родном Бохане. Когда Родина оказалась в опасности, она — там, где была нужнее всего, — на фронте.

В жаркие дни боев часть, где Андреева служила врачом, вышла на передовые рубежи. Враг, сосредоточив большое количество танков и самолетов, любой ценой пытался прорвать нашу оборону. Бойцы из Сибири с мужеством и упорством удерживали каждый метр земли. Но противник превосходил численностью и техникой, наши бойцы стали отходить, и вдруг на поле боя появилась военврач 3 ранга Андреева и с криком «Дорогие мои, за Родину!» бросилась вперед. Бойцы, увидев любимого врача-девушку в солдатской шинели, вдохновленные ее подвигом, отбросили врага и улучшили свои позиции.

После боя все взоры были обращены к героине дня. «Ай да доктор», — так началось ее пер-

вое боевое крещение. Всега и везде видели потом Андрееву среди бойцов. Страстную любовь к Отчизне и уверенность в победе Маргарита Трофимовна передавала молодым воинам.

Однажды на одном из участков немцы решили приостановить наши наступающие части и, собрав силы, перешли в контрнаступление. В трудную минуту на поле боя снова появилась Андреева. Заметив, что боец за расчетом станкового пулемета убит, а фашисты уже недалеко, она бросилась к пулемету и открыла огонь по врагу.

В этом бою отважная девушка уничтожила 45 фашистов. За героизм и отвагу военврач Андреева была награждена орденом Красного Знамени. Вся дивизия знала и с восхищением говори-

М. И. Нагибин

ла о молодом враче. Сколько силы, мужества, любви к Родине и ненависти к врагу было в этой простой бурятской девушке!

Но ей не было суждено дожить до победных дней. 10 января 1943 г. в разгаре боя был ранен командир батальона. Андреева стала перевязывать его под сильным огнем противника и сама была серьезно ранена в ногу. Истекая кровью, она продолжала оказывать помощь раненым бойцам. Вторая вражеская пуля смертельно поразила врача...

Маргарита Трофимовна Андреева была похоронена на хуторе Верхний Вяовой Тацинского района Ростовской области. На ее могиле бойцы дали клятву отомстить фашистским захватчикам за смерть боевого товарища, и эту клятву они свято выполнили: разгромили врага.

Имена героев, их подвиги, — сказал в заключение И. Л. Адилханян, — должны знать и помнить в институте, сколько бы ни прошло с тех грозных военных лет. Пусть будет вечной память о погибших, отдавших свои жизни ради сегодняшнего мира и счастья! А живым участникам войны, нашим дорогим ветеранам — почет и слава! Слава их мужеству, самопожертвованию во имя Родины!

Медик. — 1980. - №17 (9 мая).

1941-1945

Помним, гордимся!

В БОЯХ И В ТРУДЕ

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

«Какой самый памятный эпизод, событие Вашей фронтовой жизни?» — с таким вопросом я обратилась к нашим ветеранам Великой Отечественной войны.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КУРСА ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ, МАЙОР В ОТСТАВКЕ АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ ФИЛИПОВ:

— В октябре 1943 г. наша часть форсировала Днепр. Переправившись на правый бе-

рег, сразу вступили в бой. Берега реки в этом месте крутые, обрывистые. Очень тяжело подняться технике, и мы находимся под прицельным огнем фашистов. И все же танки прошли, артиллерия, люди. Заняли село Великий Букрин и начали дальше расширять плацдарм. Продвинулись на 4—6 километров и заняли оборону. Каждый метр, каждый клочок родной земли отбивали у немцев с боем. Потери были очень большие. В роте, которой я командовал, после этих боев осталось из 80 всего 10 солдат. Сколько молодых замечательных парней навсегда остались там, на берегах Днепра, не дожидаясь счастливого дня Победы.

СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ, КАПИТАН ЗАПАСА ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВИЧ СИВЛЛОВ:

— Много событий прошедшей войны осталось в памяти, но одно из них явно выделяется своей необычностью и остротой.

Это было в апреле 1945 года. Наши войска отбросили нем-

цев на 70 километров их территории. Они заняли оборону раньше, чем наша пехота успела подойти к их рубежам, поскольку нам приходилось передвигаться пешком из-за недостатка транспорта. Наш полк оказался в районе большого соснового бора. Подошли

мы ночью. Расположение противника для нас было известно лишь очень приблизительно

но. Помощник полка выделил группу под руководством старшего лейтенанта Черенкова для выявления точных границ расположения противника. В эту группу попал и я.

Мы зашли в сосновый бор и попытались шумом привлечь внимание немецких солдат и по выстрелам определить их место расположения. Однако все осталось без результата. Тогда командир принял решение заночевать в глубоком песчаном овраге, оказавшемся рядом. Каждый руками выгреб себе нишу в песчаной стенке и, спрятавшись в ней с автоматом на груди, задремал, считывая просидеть здесь до рассвета. Так оно и вышло.

Как только появились первые проблески в небе, я проснулся, встал, разминная отекшее тело. Стал выбираться из оврага и вдруг оцепенел от неожиданности: метрах в 30—40 от меня из-под сосен выскочили два немецких солдата и бегом, вилляя вправо и влево, помчались к лесу. Это было до того неожиданно, я растерялся и не стрелял. Через несколько секунд стрелять было уже поздно. Если я попал в состоянии шока, то и они, видимо, тоже оказались в таком положении, ибо для них стрел-

лить в меня не представляло никакой трудности. Скорее всего это были очень неопытные солдаты последнего призыва, впервые столкнувшиеся с противником.

Я поднял товарищей, и мы начали совещаться о дальнейших действиях. Теперь направление было ясным, оставалось выяснить линию их обороны. Пришлось принять весьма оперативное для себя решение, поскольку приказ нужно было выполнить за очень короткий срок. Итак, решено: двое из нас по очереди идут во весь рост, привлекая внимание вражеских стрелков как мишеней, а двое ползут за ними для определения расположения противника.

В число идущих в первую очередь попал и я. Сейчас трудно представить, что испытывал, находясь в этой роли живой приманки на зверя, да и длилось это недолго. Немецкий солдат целился в сердце моего товарища. Пуля прошла почти касательно к грудной клетке меж ребер, сделав лишь легкую рану. Мы упали и по-пластунски ушли с линии огня. Задание выполнено и по счастливой случайности обо-

У Деомида Александровича Самойлова две профессии: одна — педагог, другая — защищать Родину. Он в прошлом — кадровый офицер.

Еще в 20-х годах Деомид Александрович служил в частях особого назначения, затем участвовал в мирном труде на педагогическом поприще. С июня 1941 года первого — он в рядах Вооруженных Сил. В действующей армии Д. А. Самойлов сражается на Воронежском фронте в 722-м полку 206-й ди-

визии. Двумя орденами Красной Звезды и 8-ю медалями отметила Родина его ратный труд.

После войны, по зову партии и правительства, по велению сердца Деомид Александрович 15 лет отдаст охране мирного труда советских людей. Лишь в 1960 году, после демобилизации, подполковник Д. А. Самойлов возвращается к труду педагога. Сейчас он работает старшим преподавателем кафедры истории КПСС. Надолго запоминаются студентам его яркие рассказы о тех событиях, свидетелем и участником которых он был.

Медик. — 1973. - №17 (9 мая).

Медик. — 1978. - №16 (5 мая).

1941-1945

Помним, гордимся!

Медик. – 1975. - №8 (3 марта).

НА КОНКУРС

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО БЕРЛИНА

Когда в июне 1941 г. советский народ поднялся на защиту Родины, в ряды воинов встали и медики. Медицинской службой нашей Армии в годы войны была достигнута высокая организация выноса раненых с поля боя, в любых условиях, в любое время, не взирая на огонь противника. Четко была организована система эвакуации раненых и организация им помощи на этапах эвакуации.

Особенно была тяжелой работа медиков на передовых этапах — в войсковом районе, Центром хирургической работы был медсанбат. Чтобы как можно быстрее оказать хирургическую помощь раненым, медсанбат развертывал свою работу в непосредственной близости от района боевых действий дивизии. Работать приходилось в сложных, трудных условиях боевой обстановки, часто под артиллерийским обстрелом или бомбежкой — ведь для фашистской авиации красный крест не был запретом, а, наоборот, был хорошей мишенью для бомбовых ударов.

В таких условиях большое значение имела организация работы. Военным хирургам надо было совмещать в себе организатора и врача.

Наша 82 гвардейская стрелковая дивизия в составе войск 8 гвардейской армии под командованием Героя Советско-

го Союза В. И. Чуйкова прошла боевой путь от степей Волжской твердыни — Сталинграда до Берлина.

Дивизия формировалась на востоке, боевое «крещение» приняли еще «по дороге» на фронт, когда эшелоны дивизии попали под бомбежку. Появились первые раненые, помощь им оказывали буквально «на ходу».

А потом в Донских степях дивизия вступила в бой, и началась у нас обычная для войны работа — «развертывание» медсанбата каждый раз на новом месте — в полуразрушенных зданиях, в сельских школах, украинских хатах, в

землянках, палатках. Все это приспособлялось, мылось, завешивалось простынями, т.е. своими руками мы создавали операционные и перевязочные, а потом работали у операционных столов без отдыха по 16—18 часов, а часто и не хватало суток. Особенно тяжело было в дни отступления, когда медсанбат, переполненный ранеными, вынужден был вместе с войсками под натиском врага отходить на восток... Но, пережив эти тяжелые дни, еще больше чувствуешь радость побед...

Наша дивизия участвовала в боях под Сталинградом, затем — на Миус-фронте («маленький Сталинград» — как говорили наши раненые), потом бой за Днепр, Запорожье, форсирование Днестра, бои в лесах Белоруссии.

Навсегда остались в памяти дни, когда наши войска подошли к государственной границе СССР — это значило, что враг изгнан за пределы Родины. Это был радостный праздник, а затем снова бои — освобождение Польши — тяжелые сражения на Висле, освобождение Варшавы, Люблина, Познани. И, наконец, опять знаменательный день — ранней весной 1945 года мы перешли границы Германии. Но враг все еще отчаянно сопротивлялся, наши войска вели тяжелейшие бои у Зееловских высот, форсировали Одер, Шпрее.

25 апреля 1945 г. наш санбат вместе с войсками уже в Берлине, на ул. которого еще продолжали тяжелые, кровопролитные бои. 2 мая Берлин капитулировал — это уже означало окончание войны.

Всегда и везде, в боях, в обороне, медики не отставали от боевых подразделений, да были готовы оказать квалифицированную хирургическую помощь раненым.

Часто в условиях быстрого продвижения войск мне приходилось выезжать с переполненным медсанбатом и эвакуировать раненых в самых разных условиях — в зависимости от командного пункта, в джипах, при свете самодельных ламп из гильзы артиллерийской.

В перерывах между боями, когда дивизия была в состоянии затишья, мы занимались с врачами и фельдшерами батальона, инструкторами.

Так и шла наша боевая жизнь до Победы. Всегда и везде, в самые дни начала войны, и в дни победоносных сражений, мы знали, что этот день не за горами, и мы горячо любили и могилоуважаем нашу Родину, чувство единства всем советским народом это помогло в нашем труде.

З. АНДРИЕВСКАЯ, ассистент кафедры травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии.

НА СНИМКЕ: З. В. Андриевская. 1944 г.

Нам дороги эти позабыть нельзя

«Сколько бы лет не прошло, какие бы годы не прошли, наша общая боль и общая наша память — память о войне...»

Л. И. БРЕЖНЕВ.

В беседе накануне Дня Победы с нашими ветеранами — доцентом М. И. Нагибиным, ассистентом Г. А. Куikliным, главным бухгалтером В. Н. Ламзовым, дежурной библиотечницей С. И. Глуховцевой я каждому из них задала вопрос: «Вспоминаются ли вам военные годы и что особенно ценно хранит память?» Вот их ответы: «Иногда просто иду по улице и вдруг вспоминается какой-то бой до мельчайших подробностей...», «Мне часто снится война, погибшие товарищи...» «Фильмы, книги о войне, рассказы студентов каждый раз заставляют пережить заново те годы и месяцы...»

Прошло 37 лет, но память о ней жива. Да разве можно забыть первую боевую награду, смерть командира, победные салюты, разве можно выкинуть из своей жизни целых долгих четыре года, свою нелегкую суровую юность...

— Помните Ваш первый бой? **ЗИНАИДА ИВНОКЕНТЬЕВНА ГЛУХОВЦЕВА:**

— Это было в Ельце. Отсюда после окончания военного училища началась моя воинская служба в должности командира наблюдательного пункта.

О приближении фашистских самолетов доложили на КП, приготовились к их встрече и тут началось... От гула и рева моторов, взрывов падающих бомб, казалось, все содрогается вокруг. Хотелось лечь поглубже в землю, сравняться с нею. Но первые минуты стра-

ха, отчаяния сменялись злостью, решительностью. Встретив упорное сопротивление, с земли, черные стервятники улетели.

— А последний бой, он, как поется в песне, действительно самый трудный?

ГЕРМАН АНДРЕЕВИЧ КУКЛИН:

— Все бои одинаково трудные, но памятен он именно тем, что был последним. А был он в пригородах Берлина в конце апреля — начале мая. Нашему 125 пушечно-артиллерийскому полку 12 армидивизиона прорыва резерва Главного командования была поставлена задача по ликвидации армии, которая шла на Берлин для защиты ставки Гитлера. Уничтожили ее, захватили большую аэродром на берегу Эльбы. За этот бой я получил благодарность от имени Верховного главного командования.

Здесь и узнали о конце войны, о Победе. Наступила невероятная, забытая за многие годы тишина. Мы не стреляли в честь этого великого события, не кричали от радости — мы просто не могли поверить случившемуся, были потрясены наступившим миром. Уснули спокойным, долгим солдатским сном, а вечером к нам приехала концертная бригада...

— Какая военная награда для Вас самая памятная?

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ НАГИБИН:

Орден Красной Звезды, который я получил за бои на Зееловских высотах. 17 апреля наш 166 танковый полк 3-й гвардей-

ской танковой армии в составе 1 Белорусского фронта начал прорыв обороны немцев на этих высотах на подступах к Берлину. Зееловские высоты были сильно укреплены, немцы сопротивлялись отчаянно. А чем тяжелее бой, тем больше раненых. Работы нам, медикам, хватало. Прямо на поле боя вытаскивали раненых из танков, оказывали первую помощь и выносили с поля сражения. Лично я вынес там 17 раненых. Весь медицинский состав полка был представлен к боевым наградам, а получали мы их уже в Берлине после Победы...

— 9 мая было объявлено о конце войны, но она не для всех еще кончилась. Впереди была война с Японией. Расскажите о ней, Вениамин Никитич.

В. Н. ЛАМЗОВ:

— Наш 68-й отдельный автомобильный батальон стоял в пос. Харанор в Читинской области. Позвонили из штаба о том, что войне — конец. Наша радость была безмерной — мечтали о скорой демобилизации. Но для нас война только началась. С 8 на 9 августа начались военные действия. Принимали участие в освобождении города Хайлара, потом пошли через Хинганский перевал и стали двигаться по направлению к Харбину. Шли за основными боевыми частями, обеспечивая их горючим. 3 сентября война с Японией была закончена. Для меня воинская служба закончилась еще не скоро, лишь в 1946 г.

Воспоминания, воспоминания... Много их в эти майские, праздничные дни. Они волнуют, тревожат души, сердца ветеранов, как вечная боль, как долго незаживающая рана...

Медик. – 1982. - №17 (7 мая).

«Моросил мелкий осенний дождь. Все дороги размыло, машины вязли в глине. Идти было тяжело. Однако настроение у солдат было боевое — все горело желанием быстрее форсировать Днепр, выбросить врага с нашей земли, освободить многострадальный

наш народ своей причастности к этой великой справедливой борьбе народа за освобождение от фашистского ига. Ведь сколько заявлений с настоятельной просьбой отправить на действующий фронт писала врач Бармина с самого начала войны! В августе 1941 года ее,

был наш медсанбат, одними из первых вошли в фашистское логово. Целовали, обнимали друг друга, победными залпами стреляли артиллерийские орудия, небо пылало от разноцветных ракет — радость и ликование были всеобщими». Нина Николаевна счастливо улыбается, рассказывая об этом, как бы заново переживая те радостные победные майские дни.

Затем она снова возвращается к событиям войны, вспоминает тяжелые бои за Украину. Висловский плацдарм, особенно памятный для нее. Там, на Висле, 30 лет назад, ее принимали в ряды Коммунистической партии. Вспоминает своих фронтовых товарищей — начальника патолого-анатомической лаборатории Снегирева, погибшего в Одесских катакомбах, врачей Гогун, Луговец, работающих сейчас: один — на Украине, другой — в Чите. В одной части служила Нина Николаевна с З. В. Андриевской, ныне ассистентом кафедры травматологии и военно-полевой хирургии нашего института. Вспоминает рабочие будни войны. «Мы работали на войне», — повторяет она несколько раз во время нашей беседы.

Да, действительно, победа в этой войне досталась нам благодаря героической работе вот таких, как Н. Н. Бармина, миллионов людей. И сейчас, в мирное время, коммунист, ассистент кафедры патологической анатомии Нина Николаевна Бармина с честью добросовестно продолжает свой трудовой подвиг.

Э. ИВАНОВА.

ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

украинский народ из-под тяжкого гнета оккупантов. Подойдя к реке, с ходу устремились вперед. Форсировали удачно. Налетевшие самолеты врага сбросили несколько оставшихся бомб, но в наш паром не попали, улетели. Нелегко пришлось и на противоположном берегу. Не успев закрепиться, войска нашей 8-й гвардейской армии вступили в бой с противником, стремившимся во что бы то ни стало сбросить нас в Днепр...»

Этот эпизод вспомнила Нина Николаевна Бармина на мою просьбу рассказать о своей фронтовой жизни. «После Днепра форсировали Буг, Вислу, Одер, — продолжает она, — Именно преодоление водных преград запомнилось особенно ярко — форсирование рек всегда было связано с наибольшими трудностями, с наибольшим риском для бойцов...»

Не легче приходилось молодому врачу-патологоанатому и в боях за Харьков, Одессу, Белоруссию, Польшу, на территории Германии. Но трудности не страшили. Было чувство удовлетворения от соз-

давшего /выпускника Иркутского медицинского института, призвали для военной службы в качестве военврача в штаб разведотдела Забайкальского военного округа. Но хотелось в самую гущу военных действий, туда, где решается судьба Родины. И вот ее желание сбылось!

Нелегкая женская доля — участвовать паразне с мужчинами в этой жестокой войне — выпала нашим женщинам. Трудности солдатской жизни, работа врача-патологоанатома — вот как коротко можно рассказать фронтовую биографию капитана медицинской службы Нины Николаевны Барминой. Самым страшным для нее в этой войне была смерть, с которой по долгу службы сталкивалась ежедневно, ежечасно. Смерть товарищей, друзей, солдат. Сколько погибло их, замечательных, молодых, здоровых. И насколько велика была ее радость в майские дни 1945 года, принесшие конец этим безумным смертям, принесшие долгожданную Победу.

«2 мая Берлин был взят. Войска 1-го Белорусского фронта, в составе которого

22 июня над солнечным небом нашей Родины нависли темные грозные тучи второй мировой войны. Окончилась мирная трудовая жизнь для всего советского народа. Окончилась она и для меня, ординатора клиники нервных болезней Иркутского медицинского института. В канун объявления войны наш небольшой врачебный коллектив собрался на вечеринку у Е. И. Мельниковой. Было весело, шутили, смеялись, танцевали, не подозревая, что мы на пороге очень тяжелых испытаний, а на другой день узнали о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну.

Через месяц, 22 июля, я была призвана в ряды Советской Армии. Было много тревог и волнений у родных, близких и у нас, врачей и медсестер. Каждый стремился быть ближе к боевым действиям, попасть на фронт, на запад. Однако через два дня после формирования эшелона мы узнали, что направляемся на восток. Нас зачислили в резерв и распределили по госпиталям. Я и другие товарищи были прикомандированы к головному госпиталю.

Было много интересных встреч с чингизцами, москвичами, ростовчанами. Среди них был невропатолог Зыбин, москвич, доцент Никольский — терапевт, простой, доброжелательный человек, безотказно помогавший нам в консультации трудных терапевтических больных в любое время дня и ночи; доктор Рафальский, теперь всем известный психиатр, носивший в то время солдатские погоны, начальник нервного отделения, майор медицинской службы Свердлов и др.

Жили в общежитии, во дворе госпиталя, вечерами собирались, вспоминая о доме, о тех, кого оставили там. Спусти некоторое время я была направлена в Кяхту. Здесь пришлось работать не только невропатологом, но ассистировать хирургу во время операций, дежурить по госпиталю. Затем Иркутск, медицинский эвакуационный пункт, по просьбе которого я была отозвана из Кяхты в связи с нехваткой невропатологов.

ЖИЗНЬ ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Я начала работать в эвакуационном госпитале 936 (бывшее здание геологоразведки), состав больных этого госпиталя был очень тяжелым: травматологические больные, больные с каловыми свищами и др. Особенно тяжелыми были больные с боевой травмой глаза и глазницы: незрячие или с резко сниженной остротой зрения, некоторые с сочетанными повреждениями костей черепа, челюстей, придаточных пазух носа, с последствиями перенесенного менинго-энцефалита, с осколками в вещество мозга или после операции на черепе.

Многие из них очень тяжело переживали свою инвалидность и поэтому приходили на прием не только по вызову. Они приходили, надеясь получить ответ на один и тот же вопрос: восстановится ли зрение, будут ли они работоспособны. Как сейчас вижу человека средних лет, на лице которого сохранились следы пороховой пыли, с плотными рубцами на роговиче обоих глаз, всегда обращенных вверх. Он приходил, садился, опираясь подбородком на руки, покоящиеся на рукоятке палочки, и каждый раз спрашивал меня, будет ли он видеть. И таких, как он, было много...

День Победы я встретила на дежурстве в госпитале. Потом

наш госпиталь уже как сортировочный был направлен в Монголию в период войны с милитаристской Японией. Встречи со старыми друзьями, знакомство с новыми, новые больные. И опять не могу забыть молоденького солдата-узбека, почти мальчика, с гнойным менинго-энцефалитом. Болезнь протекала тяжело, не уступая активно проводимому лечению. Его не удалось спасти. Я стояла у его постели и думала, как встретит мать этого юноши известие о смерти ее сына, может быть, единственного...

Работа врача и вообще любого медицинского работника очень сложна не только ответственностью за жизнь раненого, но и ответственностью перед теми, кто его ждет — родителями, женой, детьми.

Наконец, наступил еще один радостный день: день Победы над милитаристской Японией, прощание с Монголией и дорога на Родину. Не забыть чувства радости, когда, вступив на родную землю, я увидела стоящие небольшие деревца, пробегавшего тарбагана. Хотелось обнять каждого зверька, каждую травинку...

С тех пор прошло 40 лет, но забыть невозможно те тяжелые военные годы. Вспоминается военная служба с ее маршами, тревогами, вспоминается, как впервые пришлось попасть в «болтанку» на «У-2» во время грозы по дороге из Читы в Нерчинск, как жили в палатках, землянках, как теряли родных, друзей, как в короткие часы досуга любили собираться на полянке и петь побившиеся нам песни «Синий платочек», «В лесу прифронтовом», «Катюша». Жизнь разметала нас по всему Советскому Союзу, и в канун 40-летия Победы хочется спросить словами песни: «Где же вы теперь, друзья-однополчане, боевые спутники мои?»

Ж. КАМИНЕР.
участница Великой Отечественной войны.

Медик. — 1985. — №17 (6 мая).

1941-1945

Помним, гордимся!

Солдатское поле

На этом поле наши солдаты стояли насмерть с июля по 19 ноября 1942 г. и не отступили ни на шаг перед превосходящими силами врага. Солдатское поле — это пространство волжской степи, расположенное на южной окраине Сталинграда. Здесь летом и осенью 1942 г. разгорелись упорные бои.

Враг понимал, что огромная армия не прозимует в Сталинграде. В нем не было ни одного неразрушенного дома, а вдоль берега Волги протянулся пригород Сталинграда Бекетовка и город Красноармейск. В них-то враг и планировал зимовать. Поэтому эти пункты он не разрушил.

Для того, чтобы взять эти пункты, нужно было прорвать наш Южный фронт со стороны солдатского поля или с южного фланга по сарпинским болотам. Наш отдельный артдивизион 17-й бригады 4-го Гвардейского Сталинградского мотомехкорпуса занимал огневые позиции на солдатском поле. В начале ноября 1942 г. враг предпринял повторные ожесточенные попытки прорвать нашу оборону, но не на одном участке этого степного пространства ему не удалось сломить наше сопротивление и прорвать оборону.

На солдатском поле враг потерял тысячи своих солдат, но и мы несли тяжелые потери. Все солдатское поле было изрыто воронками от бомб и снарядов, усеяно разбитой военной техникой и трупами врага. 19 ноября 1942 г. Сталинградский и Южный фронты перешли в наступление. С тяжелыми боями прорвали оборону врага на солдатском поле и 21 февраля вышли к Ивановке, что в 25 км от Бекетовки. Здесь только я узнал о предстоящем окружении немецкой группировки войск под Сталинградом.

Наш 3-й батальон 17-й бригады, в котором и мне пришлось участвовать в боях по отражению и уничтожению танков и дотов противника, первым замкнул вражеское кольцо окружения у совхоза «Октябрьский» и соединился с Юго-Западным фронтом. За проявленный героизм 4-му мехкорпусу было присвоено почетное звание Гвардейского Сталинградского. Всем участникам окружения были вручены гвардейские значки и медали «За оборону Сталинграда». Корпус стал Краснознаменным ордена Суворова, второй орден Кутузова был вручен корпусу за прорыв фронта на Миусе, где мне также пришлось участвовать в прорыве обороны врага.

Н. СИМБИРЦЕВ,
лаборант кафедры патофизиологии.

1941-1945

Помним, гордимся!

В конце декабря 1941 года мы получили извещение о том, что к нам направлены с запада большие потоки раненых.

Стали прибывать санитарные поезда, и мы отгружали большие партии раненых в госпитали. Первую партию разместили в наиболее комфортабельно обставленных госпиталях. Один из таких госпиталей Иркутска — на базе ФТИ принял 200 раненых.

Заработали полным темпом все блоки госпиталя: операционная, перевязочная, лечебные кабинеты, аптека, рентгенкабинет, пищеблок и административно-хозяйственная служба. Каждый начальник нес полную ответственность за работу всего блока. Все силы наши были направлены на то, чтобы в возможно короткий срок вылечить раненого. Больным были созданы все условия. Но некоторые больные, побывавшие в нескольких госпиталях и хорошо ознакомившиеся с их порядками, изучив психологию и слабые стороны медицинских работников, стали злоупотреблять хорошим отношением к ним: наблюдались нарушения режима госпиталя, самовольные отлучки, пьянство.

Все это было пережито нами в самом начале войны. И только спустя некоторое время, когда мы хорошо изучили психологию и поведение больных в соответствии с особенностями их историй болезни и

соответствующим образом стали реагировать на проступки, недисциплинированных стало меньше, так мы выработали определенные меры взыскания к нарушителям дисциплины. Усилилась, кроме того, политико-воспитательная работа политруков и комиссаров госпиталей. Большую помощь нам оказывали и сами раненые, особенно офицеры, находившиеся в госпитале.

Из расспросов и документов мы знакомились с жизнью раненого, следили за его поведением и даже настроением и прислушивались к запросам; мы тщательно изучали путь,

пройденный им от фронта до нашего конечного госпиталя глубокого тыла. Принимали во внимание и культурный уровень раненого. Входя в близкий контакт с ранеными, мы узнавали об их семейной жизни.

Больных размещали в палаты по локализации ранений: были выделены палаты для раненых в верхние и нижние конечности, для ходячих на ко-

жалось по пять—семь дней.

Рабочий день ординатора был уплотнен до максимума. Простой подсчет рабочего времени показал, что для того, чтобы записать всем больным только дневники в истории болезни, в общей сложности требовалось около шести часов. Кроме того, много времени тратилось на перевязки — в среднем до трех-четырёх часов в день; к этому следует еще прибавить обходы больных, контроль за выполнением назначений, дежурства, консультации, участие в операциях. Словом, рабочий день продолжался по 12 и более часов в сутки.

Следует заметить, что на протяжении всей войны Главное военно-медицинское управление планомерно распределяло раненых по госпиталям глубокого тыла, разгружая госпитали прифронтовой полосы и центральных городов. Госпитали глубокого тыла работали с полной нагрузкой.

В начале войны мы допускали немало ошибок, не имея достаточного опыта в военно-полевой хирургии. За четыре года войны на огромном опыте по лечению раненых мы усвоили детали специфики этой работы и особенно организационной ее стороны.

Из книги П. А. МАЦЕНКО «История лечения раненых в эвакуационных госпиталях Иркутской области».

Работали с полной нагрузкой

Иркутский эвакуогоспиталь № 1838, ныне областная туб-больница.

стылях, для тяжелораненых и больных с подозрением на инфекционные заболевания. При поступлении собирался анамнез, описывался локальный статус, включались рентгеновское и лабораторное обследования, после чего начиналось лечение: перевязки, операции, по мере надобности переливание крови и консультации смежных специалистов. В первую очередь обращалось внимание на отяжелевших больных с раневым истощением.

На каждого ординатора в среднем приходилось 75 больных. Командованием госпиталя был установлен срок полного клинического и лабораторного обследования с момента поступления раненого в госпиталь — в течение трех дней. Однако в начале войны мы в эти сроки не укладывались, и обследование раненых продол-

Презентацию подготовила:

зав. сектором СБО НБ ИГМУ Жирякова Т. Г.